

УДК 069.01
DOI 10.17223/22220836/18/2

И.А. Куклинова

**НАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПАМЯТНИК:
К ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ
КОНЦА XVIII В.**

В статье рассматриваются позиции французских исследователей второй половины XX в. на выработку концепта наследие и бытование связанного с ним термина памятник во Франции XV–XVIII вв. Акцент сделан на трактовке тенденций разрушения и сохранения свидетельств прошлого в первые годы Великой французской буржуазной революции (1790–1794 гг.), в период, когда термин наследие начинает обретать своё современное толкование.

Ключевые слова: национальное наследие, памятник, буржуазная революция, разрушение, сохранение, список национального наследия, публичный музей.

В наше время, когда термин *наследие* обрел широкое толкование и охватывает обширный спектр явлений и феноменов, значительный интерес вызывает его генезис и дальнейшее развитие. Внимание этому вопросу уделено и в новейшем «Энциклопедическом словаре музеологии», подготовленном специалистами Международного совета по музеологии (ИКОФОМ) и изданном в 2011 г. [1]. В нем авторами статьи «*Наследие*» выделяются четыре этапа в истории формирования этого понятия. Первый из них – это 1790–1794 гг., рождение и частое использование термина в современном значении на французском языке. Второй этап соответствует процессу медленной институализации, в различных формах и терминах, движения сохранения наследия (с начала XIX до первой четверти XX в.). Третий период начинается в 1930–1945 гг., он характеризуется использованием термина на международном уровне, расширенным его толкованием при окончательном разграничении с юридическим понятием *наследство*. Наконец, четвертый этап, продолжающийся и поныне с конца 1980-х гг., определяется широким пониманием наследия в духе любых материальных или нематериальных объектов, признаваемых в качестве объектов наследия какой-либо группой лиц [1. Р. 424].

В данной статье предлагается обратиться к мнению французских специалистов в области истории наследия, осмысливших специфику первого из обозначенных этапов.

Бесспорным представляется мнение, что «термин «национальное наследие» не появляется в XVIII в., как и идея, что подобные «остатки» могут интересовать всю нацию» [2. Р. 408]. Однако очевидно, что в дореволюционный период «представление о национальном наследии выборочно» [2. Р. 410], «до последней четверти XVIII в. лишь немногие предметы не были подвластны закону немедленной полезности: это реликвии, освященные церковью, и регалии – символ коронации французских королей» [3. Р. 14]. Примеров разрушений памятников истории французской культуры предоставляет довольно много. Так, в 1677 г. в Бордо разрушен образец римской архитектуры рубежа

II–III в. – эпохи расцвета римского порта Бурдигалы, как тогда назывался этот город. В 1788 г. Людовиком XVI подписывается указ, предписывающий продажу сразу нескольких королевских резиденций, в том числе Блуа, Венсенского замка, Ла-Мюэтт, Булонского (Мадридского) замка, поскольку их содержание признано слишком дорогостоящим. Сохранить удалось лишь Блуа, в котором разместилась казарма, и Венсенский замок, использовавшийся как тюрьма. Ла-Мюэтт и Булонь были проданы на кирпич и снесены. Незадолго до революции, в 1787 г., К. де Кенси объявляет в «Журналь де Пари» об угрозе разрушения известного произведения Ж. Гужона – фонтана Невинных. Только благодаря развернувшейся в прессе кампании фонтан был спасён [3. Р. 15–17].

Известны и отдельные инициативы по описанию и сохранению памятников. Так, ещё в 1703 г. известный собиратель Р. Де Геньер высказал идею создания списка археологических и художественных памятников Франции. Однако это предложение не было реализовано. В 1720–1730-х гг. публикуется пятитомное издание «Памятники французской монархии» Б. де Монфокона. У учёного монаха была также идея описать французские церкви, но замысел этот не был воплощен [2. Р. 408]. Однако стоит согласиться с теми исследователями, которые замечают, что в то время ценилось скорее знание о памятниках, чем их сохранение [4. Р. 11]. Поэтому подобного рода труды соседствуют с примерами продолжающихся разрушений. Зачастую даже осознание важности памятника всё равно невозможно характеризовать с точки зрения современных представлений о сохранении культурного наследия. В этом ключе любопытно предложение администрации Нима (античный Немаус) о переносе одного из сохранившихся римских храмов, известного как Мезон Карре, в Версаль [4. Р. 11]. В качестве исключения можно привести пример города Арля (римский Арелат) на юге Франции. Здесь все найденные античные артефакты привлекали внимание городских и церковных властей уже в XVII–XVIII вв. Сначала памятники размещались и экспонировались в городской ратуше. А 1784 г. считается временем создания настоящего музеума, систематически представлявшего галло-римские находки публике в городском монастыре [5. Р. 454].

Совершенно иной масштаб проблемы разрушения и сохранения обрели во Франции в конце XVIII в. – в эпоху Великой французской буржуазной революции. Как отмечается в уже цитированном «Энциклопедическом словаре музеологии», «идея наследия неизбежно связана с потенциальной потерей или исчезновением имущества – что было в случае с Французской революцией – и в то же время с желанием сохранить его» [1. Р. 427].

В первую очередь разрушению и разграблению подвергались памятники, которые олицетворяли Старый режим – культовые сооружения и памятники, связанные с французской монархией. Вот лишь некоторые примеры, характеризующие это «революционное иконоборчество» [6. Р. 198]. В 1790 г. звучит предложение трансформировать все дворянские гербы, украшавшие фасады домов, заменив обрамление рыцарского креста из лилий на хлебные колосья [7. Р. 66]. Популярными стали листовки с такими призывами: «Великие святые, падайте в горнило, это декрет!» [2. Р. 410]. Следуя подобным лозунгам, разрушили стрелу знаменитой парижской часовни Сен-Шапель ради того,

чтобы уничтожить корону, венчавшую ее, а статуя Богоматери в Клермон-Ферране, по словам современника, «...станцевав карманьолу, зажгла в центре площади Собрания самый приятный огонь радости, который философия когда-либо могла созерцать» [7. Р. 256]. В тех случаях, когда старинные постройки не поддавались разрушению, победа нового режима утверждалась внешними признаками: на стрелы культовых сооружений надевали фригийские колпаки, здания украшались статуями свободы.

В то же время на повестку дня были поставлены и вопросы сохранения шедевров и свидетельств прошлого.

Исследователи неоднократно подчеркивали неразрывную связь развития культуры и государства во Франции от эпохи Средневековья до наших дней. Отмечается насыщенный характер этих взаимоотношений и в интересующий нас период – в эпоху Старого режима и годы буржуазной революции. При Людовике XIV «некоторые архитектурные, пластические или музыкальные формы, возведенные в эталон, должны были прославлять централизующую власть: такова королевская площадь, украшенная пешей или конной статуей короля... такова и опера – по преимуществу королевское искусство, которое выражает общность всех искусств и никогда не забывает начать с пролога во славу короля...» [8. Р. 12]. Тем самым, полагает французский специалист в области наследия Ж.М. Ленио, монархия, объединяя культуру и политику, способствовала собственному укреплению и возвеличиванию. Великая французская буржуазная революция, продолжая использовать культуру и искусство в идеологических целях, «внесла много нового в отношения между искусством прошлого и политикой: она придумала политику национального наследия» [8. Р. 13].

Во французском обществе осознается необходимость выработки новой системы взглядов на предметы и памятники прошлого, которые позволили бы им выжить в революционные годы. Для того чтобы поставить заслон вандализму (этот термин предложен аббатом Грегуаром в его знаменитых докладах, представленных Комитету народного образования в августе – декабре 1794 г., до этого момента уничтожение памятников именовалось современниками варварством [9. Р. 38]), приводившему к потере нацией многих памятников искусства и культуры, надо было «нейтрализовать» любое идеологическое содержание памятника, выдвинув на первое место другие критерии. Сохранять памятники прошлых эпох предлагалось во имя их возможного использования в образовательных целях в качестве иллюстраций развития искусства и его прогресса. Такая позиция, часто декларировавшаяся в эти годы, несомненно, берет свое начало в идеях эпохи Просвещения. Таким образом, памятники прошлого теряли свой первоначальный контекст – они больше не должны восприниматься в связи с их бывшей принадлежностью аристократическому салону или культовому пространству, памятники архитектуры – как построенные по заказу монарха или церкви. Отныне они служили эстетическому наслаждению или просветительским целям, а потому двумя основными институциями, генерировавшими для свидетельств прошлого новый контекст, стали *публичный музей* и *список национального наследия*, который должен был содержать все основные *национальные памятники*. Ценой за вхождение в *национальное достояние* становится потеря первоначального

контекста [8. Р. 14]. Яркой иллюстрацией этого процесса становится труд археолога О.Л. Миллена «Национальные древности, или Сборник памятников, служащий общей и частной истории Французской империи» (Millin A.-L. «Antiquités nationales ou recueil de monuments pour servir à l'histoire générale et particulière de l'Empire Francais»). Первым памятником, представленным в этом издании, является разрушенная к тому времени Бастилия. Для Миллена Бастилия – это и крепость, игравшая роль политической тюрьмы, и символ обретённой свободы. Таким образом, первым национальным памятником новой Франции для автора становится разрушенный памятник, точнее – «памятник – это акт разрушения здания» [8. Р. 15].

Первый шаг в спасении свидетельств прошлого от разрушения был сделан еще в октябре 1790 г., когда была создана Комиссия по историческим памятникам. Далее, в 1793 г. параллельно ей начинает действовать Временная комиссия искусств, в 1795 г. обе комиссии преобразуются в одну – Временную комиссию искусств. Комиссии было предписано выработать рекомендации по созданию списка «памятников науки и искусства» всей Франции [5. Р. 466]. Уже в 1790–1791 гг. комиссия разработала подробное руководство, регламентировавшее порядок составления Списка. Оно было дополнено в 1794 г. и получило название «Инструкция о способе инвентаризации и сохранения на всей территории Республики всех предметов, которые могут служить искусствам и образованию» (Instruction sur la manière d'inventorier et de conserver dans toute l'étendue de la Republique tous les objets qui peuvent servir aux arts et à l'enseignement) [9. Р. 37].

В реализации заложенных в Инструкции принципов сразу возникли трудности. Главная из них состояла в том, что предполагалось создать список, включавший рукописи, печати, скульптуру, изделия из драгоценных металлов, коллекции натуральной истории и всякого рода машины. Таким образом, инструкция «могла служить для создания научной библиотеки или кабинета минералогии так же, как и музея искусств» [7. Р. 64], что требовало от составителей списка универсальных знаний, а сами списки походили «на свод правил необычного дворца торгов, в который превратилась Франция в течение этих лет» [2. Р. 417]. Особая сложность в привлечении компетентных корреспондентов в провинции состояла в том, что проект списка не получал достаточного финансирования. В результате на местах этим занимались не наиболее подготовленные и эрудированные, а те, кто соглашался участвовать в создании списка на добровольных началах, уделяя этой работе свое свободное время от случая к случаю. Недостаток средств мешал и членам комиссии по историческим памятникам выезжать из Парижа в провинцию для координации действий местных корреспондентов. Однако определенные результаты были достигнуты: созданы списки исторических памятников Медона, Сен-Клу, Трианона, Фонтенбло, Бельвию. Комиссии удалось спасти от разрушения памятники Шантыйи, Сен-Дени, Экуана.

Параллельно с составлением списка в 1790 г. комиссия по памятникам утвердила перечень монастырей, которые должны были служить хранилищами для национализированных произведений искусства, книг, рукописей. Так, в Париже было устроено девять больших складов, где «нагромождение самых разных предметов напоминало спасенное в пожаре или выставку в зале

торгов» [7. Р. 69]. Скульптура из мрамора и металла религиозного происхождения должна была быть собрана в монастыре Пти Огюстен. По предложению художника Дуайена, эксперта комиссии, его ученик Александр Ленуар 6 июня 1791 г. был назначен хранителем этого собрания. Вверенное Ленуару хранилище должно было стать временным для всего собранного. Часть предметов предназначалась для будущего Музеума искусств в Лувре, часть – для передачи на аукционы, остальное должно было быть отправлено для переплавки на монетный двор.

Однако А. Ленуару в августе – сентябре 1793 г. удалось открыть свой «склад», получивший название музея французских памятников. Комитет народного образования лишь в октябре 1795 г. принял официальную программу «исторического и хронологического музея, где можно будет найти французскую скульптуру разных эпох в особых залах, дав каждому из них точные характер и вид века, который он представляет» [10. Р. 504]. Открывался музей вводным залом, затем перед зрителем в хронологическом порядке располагались произведения французской архитектуры и скульптуры Средних веков и Возрождения.

Музей французских памятников А. Ленуара – первый в истории французского музейного дела специализированный исторический музей. В ту эпоху достойными художественной коллекции считались лишь произведения искусства, обладавшие утвердившейся репутацией, – эпохи Античности и Нового времени. Поэтому А. Ленуар, впервые экспонировавший в музее средневековую скульптуру, придал ей особое звучание, она была призвана иллюстрировать национальную историю. Показательно, что в предисловии к своему каталогу он полностью повторял современные ему мысли об искусстве Средневековья: «Перед тем как Франциск I создал искусства во Франции, наша школа была погружена в самое ужасное варварство» [7. Р. 85]. Придерживаясь подобного взгляда на средневековое искусство, А. Ленуар показывал средневековую скульптуру как исторические памятники, не выявляя ее художественной ценности.

Особый акцент А. Ленуар делал на мемориальном характере представленного им материала – заканчивался маршрут музея посещением Елисейского сада, где посетители могли видеть памятники многим известным французам. Рядом со скульптурными изображениями королей, демонтировавшимися из Сен-Дени, и государственных деятелей, заимствованных из парижских церквей, А. Ленуар разместил памятники ученым и художникам: Декарту, Мольеру, Буало, Лафонтену. При этом в каталоге музея описание самих памятников занимает минимум места, а основное внимание уделяется характеристике жизни и творчества лица, которому он посвящен. Таким образом, персонажи, показанные в музее, с одной стороны, представляли перед зрителями в обычной трактовке – как исторические фигуры, и в таком качестве они входили в хронологию эпох. С другой стороны, это герои нации, стоящие вне времени. Историки музейного дела считают Музей французских памятников доказательством того, что «два института, появившиеся в годы революции – Музей и Пантеон, объединяют историческое знание с прославлением образцовых великих людей» [6. Р. 198].

А. Ленуар выступил новатором и в художественной организации своего музея. Впервые, характеризуя экспозицию конца XVIII – начала XIX в., современники пишут о «поэтическом и театральном духе» музея [2. Р. 417]. При этом, стремясь к достижению особой образности экспозиции, он нередко использовал методы, получившие резко негативную оценку еще в XIX в., у младших его современников. Если памятник был поврежден или, по мнению Ленуара, недостаточно выразителен, он мог дополнить его фрагментами другого происхождения, нередко создавая совершенно новые предметы. Одним из самых ярких примеров такой музейной политики, вызывавшим критику у знаменитого архитектора и реставратора XIX в. Э. Виолле-Ле-Дюка, служит надгробие Абеляра и Элоизы, явившееся произвольным соединением частей большого количества памятников XIII–XIV вв. К статуе Людовика XII, от которой сохранился лишь торс короля, были приделаны голова и ноги. Обвиняли А. Ленуара и в сознательной «вандализации» – ему приписывали специальное разрушение зданий для собирания новых предметов. Болеезвешенная позиция в оценке его работы была высказана исследователями лишь в XX в. В частности, П. Леон утверждает, что «если А. Ленуар располагал материалами, то ему не хватало науки и метода» [7. Р. 81], поскольку в ту эпоху лишь вырабатывались принципы работы с вещественными историческими источниками, и деятельность А. Ленуара способствовала поиску новых форм их экспонирования в музее.

Музей французских памятников просуществовал недолго. Он был расформирован по приказу Людовика XVIII от 24 апреля 1816 г., в соответствии с которым предписывалось возвратить национализированные памятники церкви и аристократам.

Специалисты в области истории наследия полагают, что закрытие музея характеризует враждебность не к искусству Средних веков, а к принципу лишения предмета его первоначального смысла и контекста, которого А. Ленуар достигал простым перемещением предмета из среды его бытования в музей. Поскольку монархия, дворянство и церковь вновь стали живыми институтами, произведения, их характеризующие, не могли быть национальным достоянием и входить в музей, они должны были обрести свое первоначальное место и функцию [8. Р. 16]. Однако после закрытия музея в 1816 г. часть предметов из его коллекций была передана Лувру, где в 1824 г. они были выставлены в новых, специально открытых залах, посвященных скульптуре Ренессанса.

Подведем итоги. До конца XVIII в. интерес во французском обществе вызывает скорее собирание сведений о памятниках, их знание и фиксация информации о них, чем физическое сохранение. Только начавшаяся в 1789 г. Великая французская буржуазная революция, принесшая волну разрушений памятников, остро поставила вопрос о необходимости защиты свидетельств прошлого. Сохранение стало возможным только лишением памятников их первоначального контекста и наделением их исключительными эстетическими и просветительными свойствами. Двумя институциями, генерировавшими для свидетельств прошлого новый контекст, стали *публичный музей и список национального наследия*, который должен был включать все основные национальные памятники.

Литература

1. *Dictionnaire encyclopédique de muséologie / Sous la dir. d'A.Desvallées et de Fr.Mairesse.* Paris. : Armand Colin, 2011. 776 p.
2. *Chastel A.* La notion de patrimoine // Les lieux de memoire.II.La Nation. 2.Le territoire. L'Etat. Le Patrimoine. Paris, 1986. P. 405–450.
3. *Sire M.-A.* La France du patrimoine. Les choix de la mémoire. Paris: Gallimard, 1996. 144 p.
4. *Babelon J.-P., Chastel A.* La notion de patrimoine // Revue de l'art. 1980. № 49. P. 5–32.
5. *Pommier E.* Naissance des musées de province // Les lieux de memoire. II.La Nation.2.Le Territoire. L'Etat. Le Patrimoine. Paris, 1986. P. 451–495.
6. *Starobinski J.* 1789. Les emblèmes de la raison.Paris : Flammarion,1979. 230 p.
7. *Leon P.* La vie des monuments français. Destruction. Restauration.Paris, 1951. 590 p.
8. *Leniaud J.-M.* L' utopie française: essai sur le patrimoine.Menges, 1992. 182 p.
9. *Marot P.* L'abbé Gregoire et le vandalisme révolutionnaire // Revue de l'art. 1980. № 49. P. 36–39.
10. *Poulot D. A.*Lenoir et les musées des monuments français // Les lieux de mémoire. II. La Nation 2. Le Territoire. L'Etat. Le Patrimoine. Paris,1986. P. 497–531.

Kuklinova Irina A. Saint-Petersburg State University of Culture (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: i_kuklinova@mail.ru

DOI 10.17223/22220836/18/2

NATIONAL HERITAGE AND A MONUMENT: THE HISTORY OF CONCEPT IN FRENCH CULTURE OF THE XVIII CENTURY

Key words: national heritage, monument, the bourgeois revolution, destruction, preservation, list of national heritage, a public museum.

The article discusses the concept of periodization of the history of the formation of the heritage proposed in «Encyclopedic dictionary of Museology» (2011). Further, the author analyzes the opinion of French specialists in the history of heritage, conceptualized the first of the proposed stages – 1790–1794 years. This is the time when the term in the modern sense is born and begins to be used frequently in French.

It is alleged that French culture XVII–XVIII centuries replete with examples of the destruction of monuments of different eras, from antiquity to modern times. Separate initiatives linking the proposals to preserve monuments, relate primarily to the tasks of their descriptions and information about fixing them.

Considerable attention is paid to issues of destruction and conservation in the era of the French Revolution. To solve the problems of preservation of evidence of the past in this period produced a new attitude towards them. From now on they cease to be realized as the era of the old regime and are intended to provide aesthetic pleasure and enlightening purposes. Two institutions, generate a new context for the monuments of the past to become a public museum and a list of national heritage. To make recommendations for drawing up a list of national heritage in France in 1790 established the Commission for historical monuments. Despite the difficulties of an objective nature, in the early revolutionary years were created lists of monuments of many old French cities. In parallel with the work on the creation of a list of national heritage was a process of formation of the Museum of French monuments, dedicated to national history. The initiator of its creation was the artist A. Lenoir. The collection of the museum is the monuments of the French medieval sculpture. At that time, the monuments of medieval art would be considered only in terms of their value as historical sources, their artistic value is not detected. In this regard, the Museum of French Monuments regarded as the first in France dedicated a historical museum. In the Restoration period the museum was closed, indicating, according to the researchers, that works of art and objects confiscated during the revolution in the royal family, aristocrats and the church had to find its original location and function.

Thus, the revolutionary era, which brought a wave of destruction of monuments, first sharply raised the question of the need to protect the evidence of the past, which led to the beginning of understanding the concept of heritage in its modern interpretation.